

ЭССЕИСТИКА ВИРДЖИНИИ ВУЛФ В АСПЕКТЕ ГЕНДЕРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Творчество Вирджинии Вулф неоднократно подвергалось осмыслению в контексте феминистской традиции. Являясь автором нескольких статей и эссе, посвященных проблеме неравенства полов, в мировой литературе она стала известна как одна из основных представительниц феминизма первой волны. В творчестве Вулф происходит не только рецепция и осмысление феминистской программы, изложенной в произведениях авторов более раннего периода, но и самостоятельные открытия в сфере гендерных проблем.

Писательница пишет на рубеже XIX–XX веков. Значимые исторические, социальные и политические события, происходящие в мире, не могли не повлиять на мировоззрение Вирджинии Вулф и не могли не найти отклик в творчестве писательницы. На феминистскую концепцию В. Вулф оказал влияние ряд внешних факторов: викторианское культурное наследие, определенные эпизоды из биографии писательницы, взгляды ее ближайшего окружения – группы Блумсбери, идеи психоанализа и эмансипации, ее профессиональная литературная деятельность, а также сложившаяся в эту эпоху социально-политическая ситуация.

«Своя комната» – это эссе, посвященное поиску места женщины в литературе. Вирджиния Вулф задается вопросом: есть ли вообще у женщины это пресловутое место? Можно найти тысячи произведений, написанных мужчинами, где воспеваются женщины: их красота, изящество, грациозность. Но найдем ли мы хоть одно упоминание о роли в истории этих женщин, в истории, которая на протяжении веков фиксировалась в книгах мужчинами? Вопрос риторический. Мужчины оказались крайне словоохотливы, когда дело касалось восхваления женщин, но крайне молчаливы, когда дело касалось запечатления их важности для истории.

Из раза в раз, приходя в библиотеку, Вирджиния Вулф пыталась найти книги, объясняющие ей, где же сейчас место женщины в литературе. Но из раза в раз лишь читала о том, что женщине нужно рожать детей, заниматься их воспитанием, следить за хозяйством и, главное, следовать за своим мужем. Все указанное не требовало наличия образования, и пока мужчины достигали высот в любом понравившемся им виде деятельности, женщины «влачили жалкое, зависимое существование» [3].

Английскую литературу XIX века озарил приход Эмили и Шарлотты Бронте, Джейн Остен, Джорджа Элиота. Тогда у женщин еще не появилось «своей комнаты», но появилась надежда эту «комнату» когда-нибудь обрести.

В. Вулф пишет о комнате как об исходной точке, месте, с которого должна быть начата беседа о женщине и женском творчестве. В пространстве комнаты становится возможна книга, написанная женщиной, свободной от какого-либо давления, имеющей время, экономическую независимость и физическое пространство

для рассуждений. «Своя комната», по нашему мнению, это не только необходимое женщине место спокойствия от домочадцев, это пространство, дающее шанс найти свою точку зрения и заявить о ней; место, избавленное от гендерных стереотипов, дарующее возможность честно написать о себе. «Своя комната» – это не только собственность, это и свой голос, свое право и свои решения.

Писательница, рассуждая о принижении одного пола другим, заявляет, что ценности женщин вторичны по отношению к ценностям мужчин: «футбол и прочий спорт – «важно», а мода и покупка нарядов – «суета»» [3], если в книге рассказывается о военном сражении, она значима, если о женских переживаниях в гостиной – это проходная, «не-важная» книга. Постепенно эта система подчинений приводит к пониманию того, что мужчина важнее женщины. Такое пренебрежение нередко давит на женщин-писательниц. В литературе женщина тратит все силы на защиту права творчества, но не на само творчество.

Таким образом, Вулф, оглядываясь на биографии своих коллег, приходит к простому, но в ее время не звучавшему выводу: о женщинах в литературе можно будет говорить, когда у женщин будут те же условия для литературного труда и карьеры, что у мужчин. Вопрос не в том, есть ли у женщин талант, и чем он отличается от мужского, не в особенностях женского стиля. Вопрос в том, как вообще женщине стать писателем. Чтобы писать, нужны средства к существованию и «своя комната», минимальное личное пространство и право голоса.

В эссе ««Джейн Эйр» и «Грозовой перевал»» писательница критически оценивает идейно-художественное своеобразие стиля Шарлотты и Эмили Бронте, показывает, что они ей близки как женщины, которым хватило смелости начать писать в эпоху патриархата. Вулф утверждает, что голос мужчин в этих романах – это голос запрета: запрета на свои чувства, свое творчество, свой выбор. Вирджиния Вулф обращает внимание на то, что при написании романа «Джен Эйр» «Шарлотте Бронте мешает гнев» [2], поскольку ее возмущает попытка мужчин «высмеивать тех, кто стремится к большему, чем уготовил обычай их полу» [2]. Однако не только гнев мешает писательнице рассказывать историю, но и недостаток знаний в различных областях. Так, например, Вирджиния Вулф замечает, что портрет Рочестера сделан Бронте словно «впотьмах, в нем ощущается страх художника» [2]. А недостаток знаний вытекает в большинстве своем, как было сказано ранее, из недостатка денежных средств и, как следствие, недостатка возможностей.

«Грозовой перевал» Эмили Бронте – роман более сложный для понимания, чем «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте. Шарлотта сильно концентрируется на Я своей героини, но там, где у нее Я, у Эмили появляется Мы. Если Шарлотта Бронте не могла оставить без внимания оценочное мужское мнение, что ее мешало и злило, то Эмили Бронте попросту не замечала всех упреков, летящих в нее со стороны консервативного, патриархального общества.

В эссе «Джен Остен» Вулф утверждает, что Остен – это «лучшая из женщин-писательниц, чьи книги бессмертны» [1]. Надо сказать, что В. Вулф восхищалась умением Толстого в «Войне и мире» сделать так, что реальность предстает

преломленной, растворенной в характере, и оттого она сама становится ближе и понятней читателю, а характер получает столь важное «наполнение» благодаря «пропущенной» через него и оставившей свои «следы» реальности. К таким писателям-«характерологам» относилась Вирджиния Вулф и Джен Остен. Одного за другим она создавала людей глупых, людей чванливых, людей с низменными интересами – таких, как мистер Коллинз, сэр Уолтер Эллиот, миссис Беннет. Она не собиралась их исправлять, не хотела их уничтожать – она молчала, и это до сих пор наводит на нас страх. Ведь в мире, где жила Джен Остен, мире неудовлетворенного тщеславия и морального негодования, ничего нельзя было исправить не то что силой одной женщины, но и силами миллиона женщин. Джен Остен, как и Эмили Бронте, не злится, в ней нет мелочности и раздражения – она показывает «дураков в лучах красоты» [1].

Таким образом, Вирджинии Вулф хотелось, чтобы в социуме появился новый тип женщины, в том числе женщин-писательниц, который способен противостоять «миру мужчин» и, наконец, сумевший избавиться от давления установок викторианской эпохи. Шарлотта и Эмили Бронте, Джен Остен заложили основу этого типа. Романы «Джен Эйр», «Грозовой перевал», «Гордость и предубеждение» – это значимые шаги на пути к рождению самостоятельной и уверенной в себе женщины, способной вырваться из оков традиционной модели поведения и раскрыть свой внутренний мир и творческий потенциал, не поддаваясь натиску со стороны чопорного общества мужчин.

Литература

1. Вулф, В. Джейн Остен / В. Вулф // Избранное / В. Вулф. – М., 1989. – С. 507–517.
2. Вулф, В. «Джейн Эйр» и «Грозовой перевал» / В. Вулф // Избранное / В. Вулф. – М., 1989. – С. 501–506.
3. Вулф, В. Своя комната [Электронный ресурс] / В. Вулф. – Режим доступа: <https://libcat.ru/knigi/spravochnaya-literatura/essay/249742-virdzhiniya-vulf-svoya-komnata.html>. – Дата доступа: 01.09.2022.

Н. В. Заяц (Беларусь)

ПАЛЕМІКА З АНТАГАНІСТАМІ ЯК СПАСАБ ВЫЯЎЛЕННЯ МАСТАЦКАЙ ІДЭІ Ў ПАЭМЕ ЯЗЭПА ПУШЧЫ «САДЫ ВЯТРОЎ»

Магістральнай у творчасці Язэпа Пушчы, аднаго з заснавальнікаў і тэарэтыкаў «Маладняка», а затым «Узвышша», выбітнага ўдзельніка літаратурнага